

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 18, Is. 2, pp. 147-153, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.18.147
www.ejournal15.com

UDC 279:94(470.61)

Don Old Believers in the Post-war Period (1945–1953)

Ksenia R. Mukhametshina

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
E-mail: kseniam@ssc-ras.ru

Abstract

The proposed article can be seen as a historical reconstruction related to a targeted identification and preliminary analysis of the major problems that determined the development of the Don old believers in the postwar years. Within a chosen complex problem, it is necessary to allocate such important aspects of everyday interaction of the power structures and religious communities, religious practice under conditions of strict ideological and political control, the specific socialization of young believers.

The article discusses the Old Believer community in Rostov-on-Don in 1945–1953. The study identifies and analyzes the major problems which determined the development of the Don Old Believers in the postwar years. The author considers the documents of the State Archive of the Rostov Region.

Keywords: Don Old believers, Old believers' community, Rostov region, Post-war Period.

Введение

Научная актуальность проблемы определяется сложным комплексом объективных и субъективных факторов, связанных с особенностями социокультурного и политического развития СССР после Великой Отечественной войны. С одной стороны, сталинское «возрождение» Православной церкви, предпринятое в военное лихолетье в интересах дополнительной идеологической мобилизации советского общества, практически не затронуло другие конфессиональные группы, остававшиеся под жестким давлением партийных и государственных органов. В частности, старообрядческие общины по-прежнему совершали культовые действия в полуполюгальных условиях, опасаясь неминуемых репрессивных мер со стороны официальных властей. Особую значимость данная проблема приобретает применительно к старообрядческим общинам Дона, которые старались сохранить конфессиональную идентичность в сложных социальных условиях.

С другой стороны, исторический путь российского старообрядчества в XX в. до настоящего времени находится на своеобразной периферии исследовательского внимания, обращенного к более крупным конфессиям. Может показаться, что религиозное мировоззрение, вытесненное в СССР из публичного социально-политического поля в бытовую сферу, не играло серьезной роли в общественном функционировании, детерминированным единой идеологической парадигмой научного коммунизма,

носившей очевидный атеистический характер. Однако качественный анализ эмпирического материала, содержащегося преимущественно в документальных источниках и устной традиции, показывает, что социальная деятельность отдельных представителей старообрядческих общин в значительной степени определялась комплексным восприятием христианских ценностей, адаптированных в локальной культурной традиции. Следовательно, изучение соответствующей системы ментальных координат представляет значительный интерес для современного историка, открывая реальную возможность для последовательного формирования новых объяснительных моделей для советских реалий.

Материалы и методы

Предлагаемая статья может рассматриваться как историческая реконструкция, связанная с целенаправленным выявлением и предварительным анализом важнейших проблем, определявших развитие донского старообрядчества в послевоенные годы. В рамках избранного проблемного комплекса необходимо выделить такие значимые аспекты, как повседневное взаимодействие властных структур и религиозных общин, культовая практика в условиях жесткого идеологического и политического контроля, специфическая социализация молодых старообрядцев.

Современная исследовательская практика осознанно опирается на значимые достижения предшествующей научной традиции, позволяющие органично выстроить системный анализ эмпирического материала и гармонизировать теоретические построения. Применительно к старообрядческим общинам принципиальную значимость имеет целенаправленное изучение духовных истоков и исторического функционирования соответствующей религиозной системы, позволяющее адекватно интерпретировать отдельные явления ментальной и культовой практики непримиримых оппонентов ортодоксального православия. В контексте указанного обстоятельства определенный интерес представляет фундаментальный труд С.А. Зеньковского, посвященный комплексному анализу ранней истории российского старообрядчества [1]. Системная характеристика старообрядческих общин СССР в послевоенный период содержится в известной работе В.Ф. Миловидова, опирающейся на обширные результаты полевых исследований, но не лишенной известной идеологической детерминированности [2]. Современный взгляд на указанную проблематику представлен в оригинальных трудах А.В. Чибисова (игумен Мануил), В.В. Волкова, Н.Н. Покровского, Е.А. Агеевой и М.В. Карагодиной, основанных на богатом фактическом материале, реконструированном из документальных и нарративных источников [3–8]. В настоящее время исследований посвященных послевоенной истории донского старообрядчества не так много. К ним можно отнести работы О.Ю. Редькиной [9–11].

Источниковая база исследования включает преимущественно документальные материалы, содержащиеся в фондах региональных архивов, прежде всего, в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО). Ценные сведения приводятся на сайте, созданном общиной Покровского собора в г. Ростове-на-Дону [12]. Аналогичные данные представлены на официальных электронных ресурсах, функционирующих под интеллектуальным патронатом Древлеправославной церкви [13].

В методологическом отношении работа опирается на традиционные принципы историзма и системности, сформировавшиеся в рамках классической историографии. Автор использует традиционный набор конкретных исследовательских методов, среди которых необходимо выделить сравнительно-исторический и генетический. Первый метод позволяет адекватно сопоставить важнейшие аспекты социально-экономического и культурного развития старообрядческих общин в различных регионах СССР, выявить общие тенденции реального функционирования религиозных объединений в тоталитарной политической системе. Генетический метод способствует комплексной реконструкции сложной цепочки значимых событий и явлений, связанных с историческим прошлым, для отдельных старообрядцев и локальных групп древлеправославных верующих. Он также позволяет соединить предшествующую идейную эволюцию российского старообрядчества с исследуемым периодом, что является принципиально важным фактором, учитывая ментальную преемственность в историческом развитии исследуемых конфессиональных сообществ.

Обсуждение и результаты

В 1943–1945 гг. произошли значительные изменения государственной политики в отношении религиозных организаций, что в значительной степени определялось сложными условиями военного времени. Комплексный анализ документальных источников различного происхождения позволяет аргументированно подтвердить существующий в современной историографии вывод о том, что впервые со времени образования социалистического государства властными структурами была предпринята осознанная попытка системного перехода от политического курса, направленного на полное уничтожение Православной церкви как социального института, к конструктивному диалогу с доминирующими конфессиональными группами. В рассматриваемый период появились новые государственные органы — Совет по делам Русской православной церкви и Совет по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР, которые, оказывая самое непосредственное воздействие на религиозные общины, стали важным инструментом правительственной политики в соответствующей сфере. Советская власть, используя указанные структуры, контролировала и координировала внутреннюю жизнь конфессиональных организаций, в том числе и старообрядческие общины. Как представляется, государственно-церковные отношения в целом развивались в конструктивном направлении, что в значительной мере определялось настойчивой и плодотворной работой обоих советов, стремившихся в короткий срок создать благоприятные условия для нормального функционирования религиозных объединений.

Следующим шагом в рамках комплексной оптимизации религиозной политики стало вышедшее в августе 1945 г. секретное постановление Совнаркома СССР, которое предоставило религиозным обществам общие права юридических лиц в части аренды, строительства, покупки в собственность для церковных нужд домов, транспорта и утвари. После разрушительных антирелигиозных кампаний 1920–1930-х гг. многие общины испытывали существенный недостаток самых необходимых предметов культового обихода, которые нередко приобретались на «черном рынке» под угрозой уголовного наказания [14]. Актуальной проблемой являлся и постоянный поиск благоустроенных помещений, пригодных для богослужебной практики и повседневного общения с местными прихожанами. Правительственное постановление позволяло отчасти решить указанные вопросы, хотя региональные властные структуры нередко создавали дополнительные препятствия на пути практической реализации нового курса [15]. В частности, приобретенные помещения нередко запрещали для культового использования под благовидным предлогом, связанным с реальными и мнимыми жалобами советских граждан, проживавших и работавших в непосредственной близости от соответствующих объектов. Однако своеобразная оттепель в системных отношениях советской власти и религиозных организаций не имела продолжительного характера, что определялось общим курсом на последовательное возобновление репрессивной политики сталинского режима.

Со второй половины 1948 г. началось определенное ужесточение антирелигиозной политики, а прежняя линия на системное оздоровление социальных отношений между государственными институтами и религиозными общинами стала интерпретироваться как «вредная обществу и партии». Церковные организации вновь подвергаются системным преследованиям со стороны партийных и правоохранительных структур, причем в отдельных случаях конфискуется недавно приобретенное недвижимое имущество, а культовые служители под надуманными предлогами привлекаются к административной и уголовной ответственности. Соответствующий курс не менялся вплоть до 1953 г., когда начался новый виток ужесточения, связанный с «хрущевской оттепелью».

Послевоенная либерализация государственной религиозной политики позитивно отразилась на советском старообрядчестве, в том числе и на ростовской общине древлеправославных христиан. В феврале 1944 г. от архиепископа Московского и всея Руси Иринарха (Парфенова) было получено пастырское благословение на ожидаемое открытие ранее изъятого храма и официальную организацию старообрядческой общины. В начале 1945 г. Совет по делам религиозных культов при Совнаркоме СССР принял принципиальное решение, в соответствии с которым бывшее церковное здание в Ростове-на-Дону по улице Ульяновской передавалось Белокриницкому согласию. Определенный интерес представляет

документальная формулировка, нетрадиционная для советской делопроизводственной практики. Указанное здание передавалось старообрядческой общине на основании не только официального заключения Ростовского облисполкома, но и именных заявлений потенциальных прихожан [16].

В апреле 1948 г. ростовский старообрядческий храм приобрел статус кафедрального собора, связанный с учреждением Донецко-Донской и Кавказской епархии. В новую церковную структуру были включены Ростовская, Сталинградская (в настоящее время – Волгоградская), Ворошиловградская (в настоящее время – Луганская), Сталинская (в настоящее время – Донецкая) области, Краснодарский и Ставропольский края. Епархиальным епископом стал Флавиан (Феофилакт Феофилактович Слесарев), который впоследствии принял высокий сан архиепископа Московского и всея Руси. В 1951 г. в Донецко-Донскую и Кавказскую епархию были включены Грозненская область и Дагестанская АССР.

Главным полем практической деятельности нового церковного иерарха стала подготовка новых священнослужителей, практически не осуществлявшаяся в предшествующий период. Последовательное разрушение традиционной системы духовного образования, массовые репрессии и необоснованные преследования конформистских священнослужителей неблагоприятно сказались на возрастном уровне и интеллектуальной подготовке древлеправославных клириков, что отчетливо зафиксировано в сохранившихся анкетных данных. Согласно эмпирическому материалу, извлеченному из двадцати исследованных анкет, только два старообрядческих священника окончили богословские курсы. Аналогичное количество древлеправославных клириков имело среднее техническое образование, совершенно не связанное с культовой деятельностью. Остальные старообрядческие священники не имели даже среднего светского образования, что являлось существенным препятствием для качественного осуществления богослужбной практики. Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что хотя лишь семь древлеправославных клириков были младше 50 лет, ни один из них не служил в храме более 3 лет.

Серьезным фактором, сдерживающим культовую и социальную деятельность старообрядческих общин, был недостаток рукоположенных священников в расширяющейся сети местных приходов. Имеющиеся клирики были вынуждены разъезжать по епархиальным объектам, часто на довольно значительные расстояния, для исполнения богослужбной деятельности. Подобное «броуновское движение» нередко вызывало существенное недовольство региональных и местных властей, рассматривавших «клерикальные путешествия как опасную идеологическую обработку широких трудящихся масс» [17]. Естественной трудностью была и постоянная нехватка транспортных средств, законное приобретение которых нередко искусственно ограничивалось властными структурами.

Объективные проблемы, с которыми сталкивались старообрядческие общины, нередко усугублялись внутренними противоречиями, связанными с пагубной борьбой за реальную власть и идеологическое влияние на религиозных собратьев. Ярким примером подобного негативного процесса стала деструктивная деятельность епископа Иннокентия (Силкина Ивана Игнатьевича), ставшего в марте 1952 г. новым предстоятелем Донецко-Донской и Кавказской епархии. Вскоре после назначения он развернул активную пропагандистскую кампанию, связанную с систематической пересылкой провокационных писем, содержащих критическую информацию в адрес архиепископа Флавиана (Слесарева), являвшегося духовным лидером советских старообрядцев и занимавшим в предшествующий период местную кафедру [18]. Затянувшийся на шесть лет церковный кризис способствовал дискредитации высших иерархов в глазах простых верующих и создал благоприятные условия для критической кампании, развернутой против старообрядческих общин центральными и местными властями [19].

Сложные условия, связанные с повседневным функционированием Древлеправославной церкви в рамках советского общества, определяли естественные трудности индивидуальной социализации молодых старообрядцев. Старообрядческие общины практически не имели внешних источников для развития, а потому актуальной задачей являлось обязательное сохранение в соответствующих идеологических рамках

собственного подрастающего поколения. Подобная деятельность была сопряжена с существенными проблемами, имевшими как объективный, так и субъективный характер. С одной стороны, Советское государство обладало мощными механизмами атеистической пропаганды, воздействовавшими на детское и подростковое сознание в различных элементах образовательных программ. Дополненная административным давлением, антирелигиозная пропаганда давала значительный эффект, который не всегда преодолевался консолидированным воздействием собственной семьи и старообрядческой общины. С другой стороны, в самой Древлеправославной церкви существовали системные трудности, связанные с адекватным воспроизводством идеологической традиции при тотальном дефиците квалифицированных богословов и просто качественно подготовленных священнослужителей. Имеющиеся клирики не всегда могли транслировать подрастающему и критически настроенному поколению традиционные ценности, что в конечном итоге приводило к последовательному оттоку молодых старообрядцев из общинного круга.

Имеющиеся источники позволяют говорить о трех возможных вариантах первичной социализации новых адептов древлеправославной веры, определяемых реальными общественными условиями и государственной политикой. Первая возможность связана с компактным проживанием старообрядческой общины в сельской местности, где подавляющее большинство дееспособных старообрядцев совместно осуществляют большинство социальных действий (работа, досуг, молитва). В рассматриваемом случае может быть организован эффективный идеологический контроль, ограничивающий вредные влияния советского общества и обеспечиваемый как закрепленным клириком, так и семейным кругом. При втором варианте молодой старообрядец проживает вне общинного коллектива, но регулярно посещает культовые мероприятия и поддерживает устойчивую связь с собственной семьей. Контрольные функции старообрядческой общины в данном случае претерпевают существенное сужение, но при благоприятном стечении сопутствующих факторов может быть реализована необходимая социализационная модель. Третий вариант предполагает полный и длительный отрыв нового адепта от привычной среды, когда он вынужден в большинстве случаев скрывать собственную религиозность. В данном случае полноценное сохранение необходимой ментальной ориентации представляется редким исключением, доступным исключительно для глубоко верующего человека.

Выводы

В рассматриваемый период государственно-церковные отношения в целом развивались в конструктивном направлении. Для Ростовской общины старообрядцев государственная политика в послевоенные годы также имела позитивные результаты. Однако распад системы духовного образования, репрессии и преследования в отношении священнослужителей неблагоприятно сказались на состоянии клира, его образовательном уровне. Положение Ростовской общины нередко усугублялось внутренними противоречиями, связанными с пагубной борьбой за реальную власть и идеологическим влиянием на религиозных собратьев.

Сложные условия повседневного функционирования Древлеправославной церкви в рамках советского общества определяли естественные трудности индивидуальной социализации молодых старообрядцев. Дальнейшее исследование рассматриваемых проблем позволит сформировать целостное представление о реальных особенностях исторического функционирования донских старообрядческих общин в послевоенный период, а также выделить наиболее значимые индивидуальные образы, олицетворяющие региональный сегмент Древлеправославной церкви.

Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проведению фундаментальных исследований на 2016 г. № 0260-2014-0006 «Историко-культурное наследие юга России в условиях модернизации».

Примечания:

1. Зеньковский С. Русское старообрядчество. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. С. 276–341.

2. Миловидов В.Ф. Современное старообрядчество. М.: Мысль, 1979. С. 55–88.
3. Чибисов А.В. (игумен Мануил). Тенденции развития Древлеправославной церкви в СССР (1941–1949 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1. С. 43–44.
4. Чибисов А.В. (игумен Мануил). Условия существования Древлеправославной церкви в СССР (1950–1988 годы) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 4. С. 258–259.
5. Волков В.В. Рогожское книгохранилище и старообрядческие книжники XX века. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 450–455.
6. Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск: ИД Сова, 2005. С. 23–31.
7. Агеева Е.А. Старообрядческий епископ Геннадий: между властью духовной и светской // Вестник церковной истории. 2007. № 4(8). С. 189–193.
8. Корогодина М.В. Два старообрядческих исповедных сборника: новшества в традиционном тексте // Вестник церковной истории. 2007. № 4(8) С. 130–133.
9. Редькина О.Ю. Влияние Великой Отечественной войны на религиозную ситуацию на юге РСФСР: на материалах Нижней Волги и Дона // Народ. Война. Победа. 2015. С. 118–124.
10. Редькина О.Ю. Религиозное возрождение на Нижней Волге и Дону в 1941–1945 годы // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 2-х ч. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 2015. С. 105–114.
11. Redkina O.Y., Piskunov N.V. Diocese of Donetsk, Don and Caucasus of Russian Old-Orthodox Church accepting Belokrinitsky hierarchy in the documents of the Russian Federation archives // Русский архив. 2016. Т. 12. № 2. С. 169–187.
12. Русская православная старообрядческая церковь. Община Покровского собора в Ростове-на-Дону. URL: <http://www.izdrevle.ru/> (дата обращения: 15.05.2015).
13. Современное Древлеправославие. Информационный портал о современной жизни старообрядчества. URL: <http://www.starobrad.ru> (дата обращения: 15.05.2015).
14. Чибисов А.В. (игумен Мануил) Тенденции развития Древлеправославной церкви в СССР (1941–1949 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1. С. 445.
15. Миловидов В.Ф. Современное старообрядчество... С. 45.
16. Миловидов В.Ф. Современное старообрядчество... С. 53.
17. Чибисов А.В. (игумен Мануил). Условия существования Древлеправославной церкви в СССР (1950–1988 годы). С. 258.
18. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 16. Л. 17.
19. ГАРО. Ф. Р-4173. Оп. 6. Д. 16. Л. 20–24.

References:

1. Zen'kovskij S. Russkoe starobrjadchestvo. M.: Institut DI-DIK, Kvadriga, 2009. S. 276–341.
2. Milovidov V.F. Sovremennoe starobrjadchestvo. M.: Mysl', 1979. S. 55–88.
3. Chibisov A.V. (igumen Manuil). Tendencii razvitija Drevlepravoslavnoj cerkvi v SSSR (1941–1949 gg.) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2011. № 1. S. 43–44.
4. Chibisov A.V. (igumen Manuil). Uslovija sushhestvovanija Drevlepravoslavnoj cerkvi v SSSR (1950–1988 gody) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2011. T. 17. № 4. S. 258–259.
5. Volkov V.V. Rogozhskoe knigohranilishhe i starobrjadcheskie knizhniki XX veka. // Starobrjadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.). M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2010. S. 450–455.
6. Pokrovskij N.N. Puteshestvie za redkimi knigami. Novosibirsk: ID Sova, 2005. S. 23–31.
7. Ageeva E.A. Starobrjadcheskij episkop Gennadij: mezhdvu vlast'ju duhovnoj i svetskoj // Vestnik cerkovnoj istorii. 2007. № 4(8). S. 189–193.
8. Korogodina M.V. Dva starobrjadcheskih ispovednyh sbornika: novshestva v tradicionnom tekste // Vestnik cerkovnoj istorii. 2007. № 4(8) S. 130–133.

9. Red'kina O.Ju. Vlijanie Velikoj Otechestvennoj vojny na religioznuju situaciju na juge RSFSR: na materialah Nizhnej Volgi i Dona // Narod. Vojna. Pobeda. 2015. S. 118–124.
10. Red'kina O.Ju. Religioznoe vozrozhdenie na Nizhnej Volge i Donu v 1941–1945 gody // Voennaja istorija Rossii: problemy, poiski, reshenija. Mat-ly Mezhdunar. nauch. konfer., posvjashh. 70-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne. V 2-h ch. Volgograd: Volgogradskij gos. un-t, 2015. S. 105–114.
11. Redkina O.Y., Piskunov N.V. Diocese of Donetsk, Don and Caucasus of Russian Old-Orthodox Church accepting Belokrinitsky hierarchy in the documents of the Russian Federation archives // Russkij arhiv. 2016. T. 12. № 2. S. 169–187.
12. Russkaja pravoslavnaja staroobriadcheskaja cerkov'. Obshhina Pokrovskogo sobora v Rostove-na-Donu. URL: <http://www.izdrevle.ru/> (data obrashhenija: 15.05.2015).
13. Sovremennoe Drevlepravoslavie. Informacionnyj portal o sovremennoj zhizni staroobriadchestva. URL: <http://www.starograd.ru> (data obrashhenija: 15.05.2015).
14. Chibisov A.V. (igumen Manuil) Tendencii razvitija Drevlepravoslavnoj cerkvi v SSSR (1941–1949 gg.) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2011. № 1. S. 445.
15. Milovidov V.F. Sovremennoe staroobriadchestvo... S. 45.
16. Milovidov V.F. Sovremennoe staroobriadchestvo... S. 53.
17. Chibisov A.V. (igumen Manuil). Uslovija sushhestvovanija Drevlepravoslavnoj cerkvi v SSSR (1950–1988 gody). S. 258.
18. GARO. F. R-4173. Op. 6. D. 16. L. 17.
19. GARO. F. R-4173. Op. 6. D. 16. L. 20–24.

УДК 279:94(470.61)

Донское старообрядчество в послевоенное время (1945–1953)

Ксения Рустамовна Мухаметшина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006 г. Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: kseniam@ssc-ras.ru

Аннотация. Предлагаемая статья может рассматриваться как историческая реконструкция, связанная с целенаправленным выявлением и предварительным анализом важнейших проблем, определявших развитие донского старообрядчества в послевоенные годы. В рамках избранного проблемного комплекса необходимо выделить такие значимые аспекты, как повседневное взаимодействие властных структур и религиозных общин, культовая практика в условиях жесткого идеологического и политического контроля, специфическая социализация молодых старообрядцев.

В статье рассматривается старообрядческая община в г. Ростове-на-Дону в 1945–1953 гг. В ходе исследования были выявлены и проанализированы важнейшие проблемы, определявшие развитие донского старообрядчества в послевоенные годы. Были проанализированы документы Государственного архива Ростовской области.

Ключевые слова: донские старообрядцы, ростовский регион, старообрядческая община.